

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/34/7

ОВОЩЕ(ОЛЕНЕ)ВОДСТВО В ЧУКОТСКОМ СЕЛЕ ВАЕГИ*

Анастасия Алексеевна Ярзуткина

Аннотация. В отличие от оленеводства, овощеводство на территории Чукотки является экзотическим видом деятельности. Арктические территории считаются малопригодными для земледелия из-за экстремального климата и многолетней мерзлоты. Овощеводство в открытом грунте на Чукотском полуострове практикуется в двух поселениях из сорока пяти. Одно из таких – чукотское село Ваеги. В статье показано, как коренные жители Чукотки, бывшие оленеводы, приспособились к выращиванию картофеля, капусты и других овощей; как кочевники переходят к практикам оседлости и как меняются их представления о календарных циклах и ритуалы. Для многих жителей произошла гибридизация хозяйственных практик. Экономические причины и изменившиеся пищевые привычки сделали овощеводство и оленеводство одинаково важными для выживания в селе.

Ключевые слова: хозяйственная деятельность, земледелие, оленеводство, коренные жители, Чукотка, Арктика

Введение

Впервые попав в оленеводческое село Ваеги, я удивилась, увидев село овощеводов: передо мной предстали огороженные домики на сваях, чукчанка в белом платке, срезающая капустные листья на своем огороде, и бывшие оленеводы с детьми и внуками, убирающие картофель на придомовых участках (рис. 1). Для Чукотского полуострова такая картина действительно необычна. Арктические территории считаются малопригодными для земледелия из-за экстремального климата и многолетней мерзлоты. Соответственно, хозяйство на большей части Чукотки является либо присваивающим: охота и рыболовство, либо традиционным для Крайнего Севера – оленеводство. Растениеводство на Чукотке является экзотическим видом деятельности, и выращивание овощей в открытом грунте практикуется только в двух поселениях из сорока пяти – в селах Марково и Ваеги, расположенных на юге Чукотского автономного округа в районе Майн-Анадырского междуречья.

Чукотское село Ваеги изначально считается оленеводческим: большинство жителей в советский период были заняты выпасом оленей в кочевом хозяйстве и проживали в оленеводческих стойбищах. В насто-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00268 «Этноэнциклопедия чукотской культуры».

ящее время только около двух десятков жителей села Ваеги ведут кочевой образ жизни – работают в тундре в трех оленеводческих бригадах. Оленеводство относится к традиционным видам хозяйствования на Чукотке (см., например: Народы Чукотки) и позиционируется в качестве одного из признаков национальной идентичности чукчей (Головнёв, Куранов, Перевалова 2018: 28; Аничкова 2019: 36–49). Переход к оседлости связывается с «насильственной коллективизацией», отбиранием оленей и «обрусением». Воспоминания о жизни в тундре рядом с оленями романтизированы: даже никогда не кочевавшие коренные жители считают тундру своим домом, а связь чукчи и оленя – основой жизни. Подобный дискурс характерен и для жителей села Ваеги. При этом повседневные разговоры ваежцев, по моим наблюдениям, касаются в основном картошки.

Рис. 1. Бывший оленевод с внуками убирает картофель на своем участке в селе Ваеги, сентябрь 2019 г. Фото автора

Очевидный парадокс: мироощущение людей и как они себя позиционируют, не совпадает с тем, что они делают. Каким образом кочевнические представления о мире уживаются с оседлостью? Как занятие овощеводством изменило ритм жизни оленеводов? Основываясь на материалах, полученных мной в ходе поездок в село Ваеги в 2006 и

2019 г., я постараюсь ответить на эти вопросы. С этой целью я представляю современные кейсы, которые покажут внутреннее единство и противоречие двух различных систем организации жизни коренных жителей.

Источники и контекст

По сравнению с подробно и многократно описанным чукотским оленеводством (Grau 2000; Головнёв и др., 2018 и др.), а также традиционными хозяйственными занятиями ваежских чукчей (Вдовин 1962; Нувано 2008; Нувано 2021 и др.) овощеводство на Чукотке почти не привлекало исследователей. В своих трудах по истории и культуре чукчей ученые ограничивались общими фразами о том, что «овощеводство получило некоторое развитие» (Вдовин 1965: 372) или что «в новых отраслях хозяйства Чукотки занято в основном приезжее население» (История и культура... 1987: 183). Этнографы не относили овощеводство к традиционным для коренных жителей занятиям (Народы Северо-Востока... 2010), а потому отсутствуют описания земледельческого календаря или способов выращивания овощей в особых условиях Чукотки. Данная статья восполнит пробел в описании современных практик ведения хозяйства, в частности овощеводства, в селе Ваеги.

Этнографические материалы представляют собой наблюдения и интервью с жителями села Ваеги, оленеводами, сотрудниками муниципальной администрации и сельхозпредприятия. Определенная информация была получена от общения с ваежцами, которое я поддерживала после отъезда из села посредством телефонной связи и мессенджеров.

В ссылках на полевые материалы соблюдается анонимность: имена жителей изменены, но указываются реальные пол, возраст и национальность информанта. Этническая принадлежность фиксировалась со слов самих собеседников¹. Для того чтобы продемонстрировать беспокоящую людей моральную дилемму, а также предоставить слово самим жителям села, в тексте приводятся цитаты из интервью, отредактированные для удобства читателя, но при этом с сохранением авторской оценки и характерных речевых оборотов.

Село Ваеги расположено на левом берегу реки Майн на площади примерно 1 кв. км в Анадырском районе Чукотского автономного округа. Сообщение с районным центром – пос. Угольные Копи – и окружным центром – г. Анадырь – осуществляется исключительно авиатранспортом дважды в месяц. В летнее время по реке ходит баржа, доставляющая топливо и товары. Зимой жители сообщаются по зимней дороге с селом Марково.

Согласно данным администрации сельского поселения Ваеги, численность населения составляет около 450 человек, из которых предста-

вителей коренной национальности – 393 человека (285 – чукчи, 70 – ламуты, 31 – чуванцы, 5 – коряки, 2 – юкагиры), представителей других национальностей² – 66 человек.

Инфраструктура села включает несколько предприятий и учреждений, в том числе муниципальное сельскохозяйственное предприятие (МУП СХП) «Ваежское», направлениями деятельности которого являются оленеводство, растениеводство и молочное животноводство. Институционализированное земледелие – выращивание овощей в рамках деятельности сельхозпредприятия – соседствует в селе с семейным овощеводством. На личных приусадебных участках жители выращивают капусту, картофель, свеклу и морковь в открытом грунте. Некоторые семьи имеют теплицы, в которых высаживают огурцы, помидоры и зелень. В селе имеется несколько многоквартирных двух- и трехэтажных домов. Жители квартир, переехавшие из старых деревянных домов, обычно сохраняют последние в качестве «дачи», чтобы иметь участок земли.

Гибридизация практик

Село Ваеги в месте своего современного расположения было образовано в 1951 г. путем слияния двух других поселений и колхозов (Шарыпова 2017: 99–100; Нувано 2021: 146). Его создание ознаменовало окончание сложно проходившей в этих местах коллективизации. Село стало центральной усадьбой нового колхоза, одним из направлений которого, помимо оленеводства, было растениеводство (ГА ЧАО 1935–1951: 60). Помощь в неизвестном для местных жителей виде деятельности оказывали агрономы, проводившие в соседнем селе Марково эксперименты по выращиванию овощей в вечной мерзлоте³. Однако местные условия вносили свои коррективы в процесс организации растениеводства. Знания о порядке выращивания овощей, принесенные приезжими из центральных районов страны русскими, чаще всего «не работали» в местных условиях. Ваежский агроном Маркс Татарченко на одном из заседаний сельского совета в 1951 г., описывая ситуацию с «подъемом целины» в Ваегах, сетовал на отсутствие навоза, а также на недостаток сельхозинвентаря, в частности лопат, для подготовки поля под посевы (ГА ЧАО 1949–1953: 91). Бывшие кочевники постепенно привыкали к новому для них хозяйствованию, по-своему решая вопросы с удобрением почвы, инструментарием и другими трудностями полярного земледелия.

Ваежцы приспособили для выкапывания картофеля куски оленьих рогов и в настоящее время успешно пользуются этим инструментом (рис. 2). Местные жители утверждают, что это самая удобная копалка, так как она не повреждает клубень. У всех работниц сельхозпредприятия, участвующих в уборке картофеля, я заметила такие рога-копалки –

личный инструмент, которым они пользуются на своем огороде. В оленеводческом хозяйстве использование подобного инструмента не наблюдалось. Раньше рога оленя складывались в кучи и являлись предметом ритуальных практик во время обрядов, в дальнейшем рог был использован жителями как удобный инструмент для выкапывания корнеплодов в новой земледельческой практике. Предмет получил новую функциональность, которая стала возможна благодаря гибридизации двух видов хозяйственной деятельности.

Рис. 2. Уборка картофеля. В качестве картофелекопалки местные жители используют кусок оленьего рога. Село Ваеги, сентябрь 2019 г. Фото автора

Почвы в районе села Ваеги хотя и более приспособлены для земледелия, однако относятся к тундровым: периодическое промерзание и оттаивание замедляет химические и биологические процессы в почве. В связи с этим для успешного роста и созревания овощей требуется создание плодородного слоя путем удобрения земли на посевных площадях. В 1953 г., через два года после основания села, в Ваегах появилась небольшая колхозная ферма из двух коров (Шарыпова 2017: 189;

ПМА. Людмила, ж., 1943 г. р., ламутка). Молочное животноводство существует в Ваегах и сейчас, и это последняя ферма, сохранившаяся на Чукотке после потрясений 90-х гг. XX в. *«Навоз на Чукотке – блатной товар. Мы не можем убрать коров – тогда погибнет растениеводство. К нам из Марково за навозом приезжают, и на него очень много чего меняю: масло машинное, запчасти, много чего. Любые услуги в Марково можно за навоз получить. А так, если есть лишний, мы тонну за шесть тысяч рублей продаем населению»* (ПМА. Андрей, м., 1960 г. р., русский, сотрудник администрации МУП СХП «Ваежский»).

Коровьего навоза для удобрения полей и приусадебных участков не хватало. В советское время, когда отопление домов было печным, колхозников обязывали с сентября собирать золу и сдавать в колхозную контору. *«Хранится зола в кладовой конторы в углу или под амбаром (на сваях) или же закрывается в бочках. Оплата за 1 центнер золы – 4 трудодня. Было собрано золы 3 тонны и как удобрение внесено на 6 га пашни»* (ГА ЧАО 1935–1951: 24–25). После появления центрального отопления важным удобрением полей и приусадебных участков в Ваегах стала рыба. Это удобрение используется жителями и сейчас, так как коровий навоз местного сельхозпредприятия не всегда доступен по цене и зачастую его не хватает. С конца июля выловленную в реке Майн рыбу складывают в железные бочки, установленные на краю участка. В течение теплого сезона рыба киснет, затем к зиме замораживается и в таком виде стоит до следующего лета. За несколько дней до начала посадки удобрение из рыбы оттаивает, и его распределяют по полю (ПМА. Валентина, ж., 1959 г. р., чукчанка; Андрей, м., 1960 г. р., русский; Светлана, ж., 1964 г. р., ламутка; Ольга, ж., 1972 г. р., чукчанка).

Важным событием, определяющим хозяйственный и социальный ритмы села, является ежегодное наводнение. Оно происходит в конце мая – начале июня после разлива реки Майн и продолжается от одной до двух недель. Подвалы, погреба и приусадебные участки затапливаются. В зависимости от уровня воды для передвижения по селу используются лодки либо высокие резиновые сапоги. Люди, дома которых оказываются подтопленными, переезжают к родственникам на время сезонного наводнения либо перебираются на чердак. Разливы и затопление полей были одной из самых больших проблем для растениеводства. Учитывая сроки разлива, посадки «подстраиваются» под время после схода воды. Согласно архивным данным, начинающие овощеводы пришли к этому опытным путем. В 1951 г. картофель высадили к 8 июня, но участок затопило. *«Высаженные клубни пришлось выкопать. Удалось спасти, то есть выкопать, 5 соток, и этот картофель вновь посадили 16 июня»* (ГА ЧАО 1935–1951: 26). Однажды посаженный до наводнения картофель смыло с поля, и его собирали в заводях после схода воды (ПМА. Елена, ж., 1953 г. р., чукчанка).

Постепенно складывался локальный сельскохозяйственный календарь села Ваеги. С середины апреля начинается яровизация картофеля: в специальном помещении раскладывают семена на полки с отверстиями, и они прорастают там до посадки. В частных домах картофель раскладывают в холодных сенах на полках или помостах. Капусту для рассады высевают в домах или теплицах в начале мая и к концу мая пересаживают в парник. Высадку капусты и посадку картофеля в открытый грунт начинают после схода воды от наводнения – в середине-конце июня, после удобрения почвы. *«Однажды садили 25 июня. Долго вода была. Картошка-то успела созреть, но была не очень хорошей»* (ПМА. Ирина, ж., 1982 г. р., чукчанка). Морковь высаживают в деревянные короба высотой 50–60 см, заполненные землей. *«Если ее высадить прямо на участке, то будет мелкой, а в коробах морковь вырастает длинной и крупной»* (ПМА. Валентина, ж., 1959 г. р., чукчанка).

До уборки урожая картофельные кусты дважды окучивают и пропалывают. Капусту поливают. Уборка картофеля и свеклы начинается в первой декаде сентября, капусту собирают ближе к началу октября. Картофель после уборки раскладывают на специальные деревянные помосты, приподнятые над землей на 30–80 см, для просушки и проветривания. Затем отделяют семенной картофель, который предназначен для посадки на следующий год. С сентября до апреля картофель хранится в овощехранилище или в личных погребах.

Этот календарь привнес новую темпоральность в жизнь жителей села: с одной стороны, он был основан на природных ритмах, с другой – связан с «совхозным» режимом организации труда⁴. Люди вспоминали, что к посадке, уборке и прополке картофеля руководство совхоза привлекало всех жителей, независимо от рода занятий и возраста: учителей, школьников, пенсионеров (Шарыпова 2017: 189). Новый календарь «включился» в ритм жизни сельчан. В настоящее время жители также принимают добровольное участие в коллективных практиках, связанных с овощеводством. При этом руководители всех сельских учреждений считают нормой отсутствие сотрудника на рабочем месте, когда наступило время посадки или уборки урожая на личном огороде.

«Картофельная» кочевка

Полеводческий сезон, длившийся в Ваегах с апреля по сентябрь, фактически совпадал с активным временем в оленеводстве. Несмотря на смешивание и универсализацию колхозного труда, у оленеводов фактически не было опыта в растениеводстве. Пожилой информант рассказывал, что в 70-х гг. XX в. он прожил в бригаде 8 лет, ни разу не выезжая в село. При этом его жена, работница совхоза, проживающая

большую часть года в Ваегах вместе с детьми, иногда направлялась на посадку и уборку картофеля и капусты. Своего личного огорода семья не имела (ПМА. Владимир, м., 1950 г. р., чукча). В кризисные 90-е гг. XX в., когда привычные схемы поступления пищевых продуктов изменились, а денежных средств для покупки еды не было или не хватало, люди начали искать способы получения продуктов и товаров другим путем (Грей 2021). Если постоянно проживающие в селе семьи, в основном русские, ламутские и чуванские, имели свои огороды еще до наступления кризиса, то большинство чукчей и тех, кто долгое время работал в тундре, вынуждены были осваивать эту новую для себя область хозяйства.

Родители Нины, с которой я познакомилась в 2019 г., всю свою жизнь проработали оленеводами. В 90-х гг., когда Нина (1986 г. р.) и ее сестра были детьми, мать Нины переехала в село в свой небольшой домик. Матери Нины, чтобы прокормить себя и детей, пришлось огородить вокруг дома участок и научиться выращивать картофель. Наши информанты того же возраста, что и мать Нины, которой ко времени моего приезда уже не было в живых, рассказывали о своем первом опыте посадок: *«Огородов не было, да. Прямо вот идешь, улица. Раз – дом стоит, сам себе... Как научились? Смотрим: ага, так, так. Русских же много было в селе. Они сажали. Я, во-первых, у сестры двоюродной видела. У нее муж был русский. Ну, а потом уже там... Ну, как-то вот... Видели, как надо обрабатывать, как высаживать. Спрашивали»* (ПМА. Елена, ж., 1956 г. р., чукчанка).

Сейчас Нина работает круглый год в оленеводческой бригаде МУП СХП «Ваежский» и иногда приезжает в село, где живет ее дочь – ученица третьего класса местной школы. Обычно Нина старается приехать ко времени посадки и уборки картофеля. Производственный календарь сельхозпредприятия предполагает выезд в тундру на корализацию сразу после уборки урожая в селе. В начале октября Нина на «совхозном» вездеходе планировала уехать обратно в свою бригаду.

Как выяснилось, подобным образом в село «кочуют» и другие женщины, работающие в бригаде⁵. Выезд и возвращение в тундру чаще всего окказиональны, но эти выезды подстраиваются под овощеводческий календарь. На время посадки и уборки огорода женщины, как правило, берут отпуск. Новый способ получения пищевых продуктов в селе повлиял на возникновение новых схем перемещения кочевников. Эти изменения можно сравнить с трансформацией мобильности у эвенков Северного Байкала, описанной В.Н. Давыдовым. Новые формы мобильности являются следствием объединения различных темпоральных режимов (Давыдов 2018). Учитывая то, что у кочевников время и пространство слитны (Головнёв и др. 2018: 344), появление новых центров перераспределения ресурсов изменило стратегии использования про-

странства (Давыдов 2018). Овощеводство повлияло на изменение практик мобильности: кочевники стали подстраивать «ареалы» кочевков под возможности перемещения в село в определенные периоды времени, связанные с сельскохозяйственным календарем.

Оплачиваемый отпуск тоже является ресурсом в этой схеме: он позволяет не прерывать стабильное поступление денежных средств в то время, когда женщины не находятся на своем рабочем месте – в оленеводческой бригаде.

В этот раз Нина из-за задержки с транспортом приехала в село позже обычного. Еще до ее приезда я наблюдала, как дочь Нины, ее сестра Наташа и племянники, ученики второго класса, убирали картофель на участке Нины. Ко времени приезда женщины в село картофель уже лежал на помосте для просушки. Сестра Нины живет в квартире, но у нее есть свой участок на краю села, где Наташа высаживает немного картофеля. Ее заработная плата позволяет выращивать картофель только «на еду». Картошка в селе является не только пищевым ресурсом, но и источником дополнительных денежных средств. В частности, Нина примерно треть собранного картофеля сгрузила в мешки и отправила в погреб. Часть его она планировала забрать с собой в оленеводческую бригаду. Оставшаяся часть предназначалась для дочери, которая живет у сестры Нины, и для питания во время пребывания Нины в Ваегах. Остальной картофель был «на продажу».

МУП СХП «Ваежский», кроме выращивания собственных овощей, закупает картофель у населения, получая за это субсидию⁶. Региональные органы власти с помощью доплат муниципальным организациям пытаются таким образом стимулировать систему заготовки овощной продукции, выращенной в личных подсобных хозяйствах. В 2019 г. картофель у ваежцев закупали по 110 рублей за 1 кг, при этом в магазине и ларьке сельхозпредприятия он стоил 75 рублей за 1 кг⁷. Оленеводство вместе с овощеводством являются для Нины способом получения ресурсов для выживания. Это пример того, как люди используют весь набор возможностей: переходя к новому занятию, сохраняют прежнее, меняя ритмы мобильности и подключая социальные связи. Занятие овощеводством «встроилось» в кочевой образ жизни Нины и других женщин-олeneводо-в из Ваег. В случае срыва сроков «картофельного» кочевания, как это произошло в 2019 г., когда Нина опоздала на уборку урожая, на помощь приходят родственники, постоянно проживающие в селе. Нина привезла сестре мясо оленя, это был ее вклад в обеспечение семьи и негласная оплата уборки картофеля.

У мужчин-олeneводо-в наличие или отсутствие огорода зависит от конкретной ситуации. Если муж работает в тундре, а жена с детьми живет в поселении, то работы в огороде и выращивание овощей ложатся на нее. Организация жизни в селе еще с самого его основания предпо-

лагала гендерное разделение и приоритет женщин в растениеводстве. В своих воспоминаниях очевидец событий пишет: *«Мужчины занимались оленеводством... Ламутские мужчины занимались охотой на пушиного зверя зимой, а летом рыболовством... Оставшиеся в селе женщины впервые... стали заниматься овощеводством, растили лук-батун, огурцы, капусту, картофель»* (Шарыпова 2017: 189). Гармоничность хозяйства чукчей всегда предполагала различные формы деятельности мужчин и женщин при их согласованном чередовании и взаимном дополнении (Головнёв и др. 2018: 68). Различия в мобильности и вариантах освоенного пространства между мужчинами и женщинами в описываемых условиях также направлены на формирование общего натурального ресурса для комплексного питания семьи: мужчина в стойбище ответствен за мясо, женщина в селе – за овощи.

В случае, когда оленевод одинокий, на его участке делают посадки родственники, и часть урожая они могут отправить ему в тундру или продать, а затем отдать деньги. Те же оленеводы, кто не имеет участка или родственников, способных работать на нем, обменивают овощи на оленьё мясо, передавая его с оказией или во время приезда в село в отпуск. Также я зафиксировала случай, когда одному оленеводу, вернувшемуся после лечения из районного центра, часть заработной платы сельхозпредприятие выплатило картофелем и свеклой. В итоге он пытался продать овощи, чтобы иметь деньги для приобретения в магазине товаров и спиртного.

В оленеводческие бригады на лето иногда приезжают родственники оленеводов из села. В основе этой практики – поддержание связей для обеспечения пищевой безопасности (food security). Бывшие оленеводы перемещаются на время в тундру, устанавливая тем самым связь между двумя различными локальностями (село – стойбище) и поддерживая социальную связь с действующими оленеводами. Результатом этих связей является доступ к ресурсам тундры, необходимый для выживания в селе.

Периоды отъезда из тундры ограничиваются временем после посадки картофеля и до начала сбора урожая. Как оказалось, люди, выезжающие в тундру, выращивают в основном только картофель, так как за другими овощами в течение лета они ухаживать не могут. Возвращаясь в село, летние тундровики собирают урожай и затем с «совхозным» вездеходом в течение осени и зимы отправляют оленеводам понемногу овощей. Взамен они получают из тундры оленьё мясо. В настоящее время обмена между оленеводами и морзверобоями трансформировались и уже не существуют в описанной в классических этнографических трудах форме. Появились другие варианты обмена, но смысл этих обменов – кооперация людей, практикующих различные формы хозяйства и имеющих различные продукты и предметы, – сохранился.

«Кымчек-қоранмат не делаем!»: диффузия обрядностей

С чукотского языка на русский *кымчек-қоранмат* можно перевести как «жертвенный убой оленей, посвященный картофелю»⁸. Это была шутка моей собеседницы Марины в ответ на вопрос о том, совершают ли в Ваегах какие-либо обряды, направленные на увеличение урожая. *«Нет, этого не делаем. Мы же оленеводы, у нас свои обычаи, Килвэй, вот еще несколько в течение года»*, – сказала Марина, выдергивая с грядки свеклу.

Во время пребывания в селе Ваеги мне все же удалось зафиксировать две небольшие традиции, связанные с плодородием. Так называемое шевеление направлено на защиту первых всходов и связано с земледельческой магией. *«После посадки [картофеля], когда росточек появляется, самый-самый первый, надо его “пошевелить”»* (ПМА. Ирина, ж., 1982 г. р., чукчанка). *«Первый раз говорят “пошевелили”. Когда посадили [овоци], там землю чуть-чуть пошевелить надо. Как будто она... Это вот так как-то... Все говорили, и мы так. Куда? Вот сегодня надо пошевелить. Вот так вот. Принято так»* (ПМА. Елена, ж., 1956 г. р., чукчанка).

После уборки урожая существует обычай «кормить» землю: *«У меня отец так делал... Все, убрали картошку – и он идет кормить. Жир берет и кладет в землю. Олений жир. Как бы землю кормит. Я тоже сейчас так делаю. Чтобы на следующий год все хорошо было. Картошка была»* (ПМА. Валентина, ж., 1959 г. р., чукчанка). Подобное взаимодействие с объектами природы и духами, которые населяют пространство, характерно для чукчей. В данном случае «старый» обычай приобрел новую окраску.

Ситуация с обрядовой сферой в селе Ваеги оказалась похожей на описанную К. Клоковым в селе Мейныпильгыно: несмотря на отсутствие оленей, бывшие оленеводы продолжают выполнять в селе ритуалы, характерные для оленеводческого цикла (Klokov 2018). Обрядность, связанная с поддержанием жизни и благополучия сообщества оленеводческого стойбища, частично переместилась в село. Из перечисленных исследователем и уроженцем села Ваеги В. Нувано праздников и обрядов, проводившихся в прошлом ваежскими оленеводами в течение года (Нувано 2021), я зафиксировала четыре похожих ритуальных действия. Согласно обобщенной информации от местных жителей, в селе проводятся весенний Килвэй, летний Ваамқанмат / Ваамқоранмат, осенний Ваамқоранмат и зимний сборный праздник Пэгытти. Также в августе в селе проводят обряд первой рыбы Кыннэвэт (Ярзуткина 2021).

Многие жители села так или иначе связаны с людьми из оленеводческих бригад и общаются с ними посредством рации в течение года. Однако время проведения обрядов не соотносится с событиями в оле-

неводстве – например, с реальным забоем оленей. Обрядовый календарь кочевников и оседлых жителей села различается, но осмысливается как единая оленеводческая культура. Бывшие оленеводы говорят: «...мы примерно же знаем, когда нужно проводить, вот и идем» (ПМА. Владимир, м., 1950 г. р., чукча); «...наблюдаем за природой и вот знаем, когда нужно покормить, поблагодарить» (ПМА. Светлана, ж., 1966 г. р., чукчанка).

Праздник *Килвэй* институционализировался еще в советское время и проводится в конце апреля по сценарию сотрудниками местного Дома культуры на площади перед администрацией. Жертвоприношение «заменителей» оленя (белой бусины и оленьей колбасы *porat*), а также некоторые локальные особенности, такие как обход детьми по часовой стрелке всех присутствующих с криками «аув-аув», разбрасывание ими кусочков мяса с костным маслом и заячьего пуха, включены в сценарий праздника⁹. Остальные обряды совершаются отдельно семьями или родственными группами, в которые могут входить не только чукчи, но также ламуты и чуванцы.

Праздник *Пэгытти*, в прошлом посвященный «кормлению» звезды Альтаир в созвездии Орла и совершаемый в день зимнего солнцестояния (Богораз 2011: 77), проводится в селе Ваеги некоторыми родственными группами 1 января. Обряд *Ваамқоранмат* также проводится семейными и родственными группами два раза в год и привязан к ледоходу и ледоставу на реке. Как сказал один из наших информантов, обряд совершают, «как только река начинает кочевать» (ПМА. Владимир, м., 1950 г. р., чукча). Знаковыми в процессе всех трех обрядов являются приготовление и разбрызгивание каши из оленьей крови, жертвоприношение «заменителей» оленя (*porata*, сушеной кишки, *юколы*, бусин, тюленьей шкурки), «кормление» домашних святынь, пускание модели лодочки по реке, вынесение из дома огня, бега и раздача призов.

Обряды, наполненные символическими действиями, имели большое значение в тундре, в оленеводческом стойбище: они были вплетены в комплекс приручения и сохранения оленей и защиты одомашненного пространства (Вате 2021). Там функция ритуала была тесно связана с хозяйством. Имелся целый набор символических действий, направленных на достижение хорошего «урожая» оленей. В селе этот комплекс обрядов и праздников, относимых ваежцами к оленеводческим, трансформировался, но сохранился, по мнению К. Клокова, для того, чтобы обеспечить равновесие в ландшафте и организовать местное сообщество (Клоков 2021). С этнографической точки зрения получилась путаница: приоритетными видами хозяйственной деятельности являются овощеводство и рыболовство, а ритуальный цикл «перекочевал» в село из оленеводства. Фактически же символические действия смешались с хозяйственными. Одна из жительниц Ваег сказала: «Надо обязательно

[обряды] делать... Если всё соблюдать будешь, то всё будет – и в огороде, и везде. Главное – все соблюдать. И благодарить надо. Природа все дает» (ПМА. Светлана, ж., 1966 г. р., чукчанка). Полифункциональные обряды и ритуальные действия, практикуемые в стойбище, в условиях села сохранили задачу поддержания благополучия сообщества, в том числе за счет обеспечения плодородия земли и успеха в овощеводстве.

Ваежская антиномия: вместо заключения

Перед самым моим отъездом из села Ваеги, когда картофель складывали в погреба на хранение и люди готовились к сбору урожая капусты, один бывший оленевод, с которым мы вместе ходили в местное овощехранилище, сказал мне: *«Знаешь, когда я смотрю на всю эту картошку, на всю эту кучу, я представляю, что это олени; большое-большое стадо оленей»* (рис. 3).

Рис. 3. Овощехранилище в селе Ваеги после уборки картофеля.
2019 г. Фото автора

В его словах одновременно были и печальное сожаление и гордость. Эта противоречивость наблюдалась во всем. Но вместе с тем было некое органичное единство: овоще(олене)водство стало для Ваег особым способом организации жизни. Оленеводы «кочуют» из тундры в село, чтобы посадить и убрать картофель. Сельчане, часть года проводящие в стойбищах, подстраивают свои ритмы кочевания–оседлости и перемещения тундра–село под овощеводческий календарь. Между оленеводами и овощеводами существуют незримые связи и вполне «зримые» обмены. Оленеводческие жертвоприношения влияют на будущий урожай овощей. Все это демонстрирует пример единства изначального противоречия кочевое и оседлого. В условиях удаленности и труднодоступности, связанных с этим дефицита продуктов и ограничения возможностей люди ищут новые способы обеспечения пищевыми продуктами, «встраивая» их в имеющуюся инфраструктуру (см.: Давыдова, Давыдов 2021).

Климатические условия и почва позволили ваежцам производить пищевой ресурс способом, недоступным для жителей других поселений. При отсутствии традиции люди освоили овощеводство, находя оптимальные пути для производства необходимого пищевого ресурса. Рискованное из-за климатических условий земледелие сосуществовало с рискованным из-за социально-экономических потрясений оленеводством. В настоящее время ни тот ни другой вид хозяйствования не способен полностью обеспечить потребности людей. За счет объединения у жителей появилось больше возможностей автономизации – производства необходимого пищевого ресурса вне зависимости от перебоев внешнего снабжения и его недостатков. Гибридность форм хозяйствования явилась результатом потребности людей в пищевой безопасности. Противоречивые по своей сути и взаимоисключающие формы организации жизни – оленеводство и овощеводство – оказались в Ваегах одинаково важными.

Примечания

¹ В частности, в статье указывается национальность «ламут». Ваежских эвенов обижает этническое название «эвен», и они считают более правильным называться ламутами. Идентичность человека фиксировалась исключительно с его слов.

² Под другими национальностями в муниципалитете числятся русские, калмыки, украинцы, буряты, казахи, якуты, алтайцы, татары, немцы.

³ С 30-х гг. XX в. на Чукотке работал Марковский опытный пункт Института полярного земледелия.

⁴ Множественные темпоральности описаны у Н.В. Ссорина-Чайкова (Ssorin-Chaikov 2017)

⁵ Я познакомилась еще с одной женщиной – Анной, 1972 г. р., работницей другой бригады, приехавшей в село чуть позже Нины. У нее также имеется свой огород, за которым следят ее родственники, постоянно проживающие в Ваегах. Поводом для приезда стала уборка урожая.

⁶ Постановление Правительства Чукотского автономного округа от 01.04.2015 № 205 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии на возмещение затрат на закупку у населения картофеля и овощей» (в ред. от 20.12.2018 № 423).

⁷ Картофель входит в перечень социально значимых продуктов на Чукотке, и его стоимость в муниципальных торговых предприятиях фиксированная, а именно она не должна превышать 75 рублей за 1 кг. Расходы на закупку и доставку картофеля, в случае если они превышают фиксированную цену, компенсируются предприятию из муниципального бюджета.

⁸ *Кымчек, кымчекылгын, кымчекын* – съедобный корень, картофель (Молл, Инэнликэй 2005: 60; Венстен 2018: 687). Слово «*қоранмат*» употреблено по аналогии с обрядами «*Ваамқоранмат*» (чук. букв. «забой реке», «убой оленя реке, воде»). Основой употребляемого в нашем случае слова «*қоранмат*» является *қоранматык/қаанматык* – «убивать оленя»; *қоранмык/қаанмык* – «убить оленя (для кого-либо)» (Молл, Инэнликэй 2005: 67, 71).

⁹ По моим наблюдениям, сценарии популярных праздников, таких как Килвэй, Пэгытти, Тиркитаарон, организуемых в сельских и поселковых домах культуры, различаются в деталях. Наличие тех или иных элементов зависит от конкретных сотрудников, которые проводят данные мероприятия, от опыта их участия в обрядах, проводимых в тундре. Часто эти люди на свое усмотрение включают/исключают какие-то элементы.

Источники

- Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3а. Протоколы Ваегского сельского совета депутатов трудящихся Марковского района. 1949–1953 гг.
- Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 24. Экономическая справка Анадырской земэкспедиции МСХ РСФСР к проекту землеустройства колхозов Марковского района. 1935–1951 гг.
- Полевые материалы автора (ПМА). Ваеги, июль 2006, август–сентябрь 2019.
- Народы Чукотки // Официальный сайт Ассоциации коренных народов Чукотки. URL: <http://www.narodychukotki.ru/index.php/component/content/article/8-novosti/257-istoriya-assotsiatsii-kmnch.html>

Литература

- Аничкова О.М. Последний якорь идентичности. Современные оленеводы на Чукотке // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 2. С. 36–49.
- Богораз В.Г. Чукчи: религия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
- Вате В. Возвращение к чукотским духам // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 55–75.
- Вдовин И.С. Ваегские чукчи // Сибирский этнографический сборник. М.: Издательство АН СССР, 1962. Т. IV. С. 153–164.
- Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.: Наука, 1965.
- Венстен Ш. Чукотско-французско-англо-русский словарь. Т. 1. Анадырь; Санкт-Петербург: Лема, 2018.
- Головнёв А.В., Куканов Д.А., Первалова Е.В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018.
- Грей П.А. «О вкусе хлеба мы уже забыли»: обеспечение чукотского села в постсоветский период // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 21–36.
- Давыдов В.Н. Стратегии использования пространства и режимы автономности: отношения эвенков и государства на Северном Байкале // Этнография. 2018. № 2. С. 46–66.

- Давыдова Е.А., Давыдов В.Н. Микроинфраструктура подсобного хозяйства на Чукотке: яранги, контейнеры и теплицы // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 76–93.
- История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки / под общ. ред. А.И. Крушанова. Л.: Наука, 1987.
- Клоков К.Б. Этнокультурный ландшафт чукчей села Мейныпильгыно // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 37–54.
- Молл Т.А., Инэликей П.И. Чукотско-русский словарь. СПб.: Просвещение, 2005.
- Народы Северо-Востока Сибири / отв. ред. Е.П. Батьянова, В.А. Тураев. М.: Наука, 2010.
- Нувано В.Н. Традиционный хозяйственный цикл ваежских оленеводов: 1980-е – начало 2000-х гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8, № 2(30). С. 145–154.
- Нувано В.Н. Этнотерриториальная группа «ваежские чукчи» // Тропюю Богораза. Научные и литературные материалы. М.: Институт наследия – ГЕОС, 2008. С. 78–84.
- Шарыпова А.Н. Чукотка – судьба моя. СПб.: Лема, 2017.
- Ярзуткина А.А. Обряд первой рыбы у некоторых групп чукчей // Проблемы современного социокультурного пространства: вызовы и риски: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2021. С. 13–15.
- Gray P.A. Chukotkan Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition // Polar Research. 2000. Vol. 19, No. 1. P. 31–38.
- Klokov K. Substitution and Continuity in Southern Chukotka Traditional Rituals: A Case Study from Meinypilgyno Village, 2016–2017 // Arctic Anthropology. 2018. Vol. 55, № 2. P. 117–133.
- Ssorin-Chaikov N.V. Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. Chicago, 2017.

Статья поступила в редакцию 1 августа 2021 г.

Vegetable and reindeer husbandry in the Chukotka village of Vaegi

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia

DOI: 10.17223/2312461X/34/7

Anastasiia A. Yarzutkina, Chukotka branch of North-Eastern Federal University (Anadyr, Russian Federation). E-mail: jarzut@mail.ru

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR, project No. 19-09-00268)

Abstract. Unlike reindeer husbandry, vegetable farming is an exotic activity in Chukotka. Arctic lands are considered unsuitable for growing crops due to permafrost and extreme climate conditions. On the Chukchi Peninsula, open-field vegetable farming is practiced only in two out of 45 settlements. One of these settlements is the Chukchi village of Vaegi. This article examines how the indigenous people of Chukotka, former reindeer herders, have adapted to growing potatoes, cabbage and other vegetables. The transition of nomadic communities to a settled lifestyle is analysed along with changes in their perception of calendar cycles and rituals. For many residents, a hybridization of economic practices is observed. Economic reasons and changed dietary habits have made vegetable and reindeer husbandry equally important to the survival of the village.

Keywords: economic practices, agriculture, reindeer husbandry, indigenous people, Chukotka, Arctic

References

- Anichkova O.M. Poslednii iakor' identichnosti. Sovremennye olenevody na Chukotke [The Last Anchor of Identity. Modern Reindeer Herders in Chukotka], *Tradicionnaia kul'tura*, 2019, vol. 20, no 2, pp. 36–49.
- Bogoraz V.G. *Chukchi: religiia* [Chukchi: Religion]. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2011.
- Davydov V.N. Strategii ispolzovaniia prostranstva i rezhimy avtonomnosti: otnosheniia evenkov i gosudarstva na Severnom Baikale [Strategies for Using Space and the Regime of Autonomy: Relations between the Evenks and the State on Northern Baikal]. *Etnografiya*, 2018, vol. 2, pp. 46–66.
- Davydova E.A., Davydov V.N. Mikroinfrastruktura podsobnogo khoziaistva na Chukotke: iarangi, konteinery i teplitsy [Household Microinfrastructure in Chukotka: Yarangas, Containers and Greenhouses], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2021, vol. 4, pp. 76–93.
- Golovniiov A.V., Kukanov D.A., Perevalova E.V. *Arktika: atlas kochevykh tekhnologii* [The Arctic: an Atlas of Nomadic Technologies]. St. Petersburg: MAE RAN, 2018.
- Gray P.A. «O vkuse hleba my uzhe забыли»: obespechenie chukotskogo sela v postsovetsskii period ["We have already forgotten about the taste of bread": provision of the Chukotka village in the post-Soviet period], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2021 vol. 4, pp. 21–36.
- Gray P.A. Chukotkan Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition, *Polar Research*, 2000, vol. 19, no. 1, pp. 31–38.
- Istoriia i kul'tura chukchei. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Chukchi History and Culture. Historical and Ethnographic Essays]. Ed. A.I. Krushanov. Leningrad: Nauka, 1987.
- Klovov K. Substitution and Continuity in Southern Chukotka Traditional Rituals: A Case Study from Meinypilgyno Village, 2016–2017, *Arctic Anthropology*, 2018, vol. 55(2), pp. 117–133.
- Klovov K.B. Etnokulturnyi landshaft chukchei sela Meinypilgyno [Ethnocultural Landscape of the Chukchi of the Village of Meinypilgyno], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2021 vol. 4, pp. 37–54.
- Moll T.A., Inenlikei P.I. *Chukotsko-russkii slovar* [Chukchi-Russian Dictionary]. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2005.
- Narody Severo-Vostoka Sibiri* [Peoples of the North-East of Siberia]. Ed. E.P. Bat'ianova, V.A. Turaev. Moscow: Nauka, 2010.
- Nuvano V.N. Etnoterritorialnaia gruppya «vaezhskie chukchi» [Ethno-Territorial Group "Vayezhsky Chukchi"]. In: *Tropoiu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy* [Along the path of Bogoraz. Scientific and literary materials]. Moscow: Institut nasledii – GEOS, 2008, pp. 78–84.
- Nuvano V.N. Traditsionnyi hoziaistvennyi tsikl vaezhskikh olenevodov: 1980-e – nachalo 2000-h gg. [The Traditional Economic Cycle of the Vayeg's Reindeer Herders: 1980s – early 2000s], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, 2021, vol. 8 (2(30)), pp. 145–154.
- Sharypova A.N. *Chukotka – sudba moia* [Chukotka is my Destiny]. St. Petersburg: Lema, 2017.
- Ssorin-Chaikov N.V. *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2017.
- Vate V. *Vozvrashchenie k chukotskim duham* [Revisiting Chukchi Spirits], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2021 vol. 4, pp. 55–75.
- Vdovin I.S. Vaezhskie chukchi [The Vayeg Chukchis]. *Sibirskii etnograficheskii sbornik* [Siberian Ethnographical Volume]. Vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 1962, pp. 153–164.

-
- Vdovin I.S. *Ocherki istorii i etnografii chukchei* [Essays on the history and ethnography of the Chukchi]. Moscow: Nauka, 1965.
- Vensten S.H. *Chukotsko-francuzsko-anglo-russkii slovar* [Chukchi-French-English-Russian Dictionary], vol. 1. Anadyr; SPb.: Lema, 2018.
- Yarzutkina A.A. Obriad pervoi ryby u nekotoryh grupp chukchei [The Rite of the First Fish among some Groups of Chukchi]. In: *Problemy sovremennogo sotsiokul'turnogo prost-
ranstva: vyzovy i riski* [Problems of Modern Socio-Cultural Space: Challenges and
Risks]: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Astrahan': Izd. dom
«Astrahanskii universitet», 2021, pp. 13–15.